

ВОСПОМИНАНИЯ АРХИМАНДРИТА АФАНАСИЯ (КУЛЬТИНОВА). ЧАСТЬ 3

Теперь о монашестве. Когда мне уже, наверное, за пятьдесят было, у меня появилось желание тайно принять монашество. Еще году в семьдесят шестом схимница Филарета (сейчас про нее никто не вспоминает почему-то) прислала мне из Москвы с одной рабой Божией три мантии и два клобука. После этого прошло двадцать с лишним лет, прежде чем я монашество принял. И облачение это у меня лежало в чемодане. Не было у меня тогда желания уйти в монастырь. Но когда владыка митрополит заболел, у меня появлялась такая мысль: не хочет ли он меня на свое место избрать? Хотя я знаю: какой я

Архимандрит Афанасий (Культинов) и настоятельница кадомского Милостиво-Богородицкого монастыря монахиня Евгения

архиерей, когда у меня рука сожжена! Это только в военное время может быть, как в армии любой, с сожженной рукой или ногой воевать отправляли, – так и в священстве и в архиерействе. А в мирное время с какой стати неполноценного в архиереи рукополагать? Но, по крайней мере, такое искушение было. Многих священников, наверное, посещают такие мысли. Читаешь акафист и думаешь, это про тебя написали. Точно, точно, это духовная жизнь, никуда от нее не сбежишь. Такие мечтания враг вносит!

Ну, в конечном итоге, я владыке Симону заявил: «Владыко, мы с матушкой хотим принять тайный постриг». – «Как так?» – «Ну, владыко, вот так» – «А как она?..» Тогда владыка Симон не дал благословение на постриг. Теперь я понял, что он молился, меня вымаливал, чтобы мне можно было мирно, по совершенному согласию с матушкой, монашество принять. И матушка моя начала склоняться к тому, чтобы я принял постриг тайный. Сама она пока не решалась на это. И когда в 1999 году я первый раз поехал на Афон, мы с ней обговорили перед поездкой, что я, возможно, там приму тайный постриг. Потому-то мы здесь и облачение заготовили. Но на Афон я полное облачение не взял – только мантию, чтобы освятить для дальнейшего

Как только я ступил на землю Греции, как только мы пришли в архондарик нашего Пантелеимонова монастыря, желание принять монашеский постриг возобновилось у меня с прежней силой. «Матерь Божия, – со слезами молился, – разреши мне постриг!» Я сказал о своем желании монастырскому начальству, но определенного ответа не получил.

А предыстория этой поездки очень интересная. Сначала владыка Симон ходатайствовал о моем паломничестве, а потом не благословил. Мне же очень хотелось поехать, да еще чтобы со служением. И был у меня москвич знакомый. А в Москве как раз проходил Синод, кажется. Вот мой знакомец и подошел к владыке: «Владыко, вы уж благословите его на поездку, а то, может быть, больше не придется». После этого владыка Кирилл договорился с Вселенским патриархом по факсу, и меня и еще одного человека отправили на Афон с разрешением служения литургии во всех монастырях. Вот так это было.

Посетил я тогда несколько монастырей афонских, и везде молился Богу и Пресвятой Богородице, чтобы на Святой горе пострига монашеского удостоиться. Подошел к иконе Божией Матери «Достоинно есть», молился: «Матерь Божия, прости меня, что я, недостойный, прошу святогорского пострига. Недостойный я, недостойный, я смирюсь, я больше не буду». Но этого хватало на полдня, потом опять просил: «Дай мне постриг здесь, на Афоне!». Так несколько дней терзался.

И вот уже нам уезжать скоро, осталось всего два дня до отъезда, наступило 18 октября, праздник святителей Московских Петра и прочих. И в тот день я удостоился монашеского пострига. Священство мое митрополит Петр освятил и монашество – митрополит Петр. Постригали меня в келье преподобного Силуана Афонского, где он молился. На полу кельи пшеница разбросана. Полы худые, запыленные иконки – келья была в первоизданном виде. Сейчас там устроили церковь, все убрали, там службы бывают.

Начался постриг. Постригал меня отец Гавриил, молдаванин. Восприемником, духовным отцом моим стал схимонах Савва. Лег я – там негде ползать, келья-то небольшая – и лежу... Слушаю и думаю: «Что со мной творится? Кто я есть, чтобы на Афоне постриг принимать?..»

Кстати, когда постриг совершается по афонскому чину, имя выбираешь сам. Это у нас, в России, имя дает тот, кто постригает. Отец Гавриил подошел: «Брат, имя?» Я встрепнулся, думаю: сейчас назовет не пойми каким именем. «У нас на Афоне обычай – самому имя себе избирать». А у меня уже было имя надумано, жило оно во мне – Афанасий, в честь Афанасия Афонского. Я говорю: «Афанасий». «В честь какого?». Я говорю: «В честь преподобного Афанасия Афонского». Ну, вы, конечно, помните, что преподобный Афанасий Афонский отличался большим ростом. Начали крест благословлять, а у меня только крест с Афона. Я спрашиваю: «Батюшка, а вот этот крест подойдет?» Он говорит: «Пойдет». И с этим крестом афонским он меня постригал. Закончили постриг.

Уехал к святыням святогорским протоиерей Анатолий, а в Россию вернулся Афанасий, недостойный иеромонах.

***

Вспоминаю я свое прежнее служение. Вот, например, мое поколение священников в советское время уже на денежном содержании было, но налоги

нас давили огромные. Я в Туме получал триста пятьдесят рублей, из них налог отдавал – 43%. Уж матушка терпела, тяжело ей было. Ведь у нас пятеро детей... А я-то был с «вывихом». Когда мне деньги какие дадут на приходе, я их на церковь расходовал, а храм был богатый, и он, собственно, не нуждался в моих средствах... Но у меня было такое чувство, что я должен благотворить церкви, а семью оставлял. Матушка пойдет, в уцененке купит вещи... Вот такой перекося в моей жизни был. Так что она, конечно, вспоминает сейчас все это, и мне стыдно становится.

Конечно, в нашей семейной жизни были очень сложные моменты. Супругам с разным образованием очень тяжело приходится, эта разница очень чувствуется. Вот у меня образование все-таки набралось: десятилетка, техникум, семинария. Я любил, допустим, слушать классическую музыку. А матушка моя семь классов окончила, она этого не понимает. Общение у нас было чисто плотское, а духовного общения словно и не было. Очень трудно так жить. Но когда я священником стал, я начал уже прислушиваться к тому, что она мне говорит. Сначала гордыня сквозила непомерная: она же семь классов кончила, что понимает... Но, наконец, выслушал ее, и она мне такую правду преподнесла... Были у нас и такие моменты: она сидит, плачет – зачем замуж пошла, а я плачу – зачем женился. Только вера объединяла, и смирение начало позже приходить. Так что семейная жизнь – подвиг, крестный подвиг.

Какие здесь могут быть советы? Вот одна москвичка приехала... Она одна, свободна, а тот, кого она любит, женат. Ей один батюшка в Москве сказал: «Нельзя тебе разрушать брак этого человека, хоть он тебя любит (очень любит, родная душа попалась). Нельзя. Так что ты себя в жертву принеси, и всё. Смирись». А другие не удерживаются. Отец Валериан Кречетов, духовник московской земли, когда мы с ним на Афоне были, рассказывал, какие ситуации трудные в духовной жизни бывают. Вот, например, она гуляет – что с ней делать? Запретить? Запретишь – по рукам пойдет, вместо одного пять появится. И вот, говорит, молишься, чтобы Господь привел ее к чистоте. Вот такая духовная жизнь, очень сложная.

Конечно, каждому человеку хотелось бы найти родственную душу. Но, я думаю, это от человека не зависит. Наверное, Господь определяет наш путь... Вот, размышляя о своей жизни, я понял: матушка моя намного лучше, чище меня, но раньше я не осознавал этого. Просто она очень волевая, а у меня характер размазанный. Она два года жила «глазки вниз», а потом начала мне жару давать... Если она обиделась, она не будет три дня со мной разговаривать. А я не могу так, я к вечеру кричу: «Караул! Прости меня!». Она же обязательно покажет, что в этой ситуации я сам виноват был. Хотя я сознаю, что виноват, но всегда ведь в ситуации задействованы обе стороны. Вот это наука для смирения. Господь послал мне это, чтобы я смирялся в своем положении, исправлялся. Так что Бог все определяет. И, конечно, когда человек не живет сплошной любовью, вражьи козни не замедлят. Потому что если Бог сочетал, соединил человека с человеком, – а, бывает, соединяются противоположные по устройению люди, –

то это по Промыслу Божию совершается. Камни, когда кладут в мешок, бьются друг о друга.

Детей я воспитывал плохо. Я почти к ним не касался, знал только службу. А служил я очень много. Когда меня рукоположили в священники, в семидесятом году, я служил по пять служб, как монах. Матушка предоставляла мне такую возможность. К тому же, я в храме единственный священник был. Не помню такого случая, чтобы я три дня подряд не служил. Служил много, а на детей времени не оставалось. Чтобы утром подняться, в церковь вместе пойти – этого не было. Нежелание, может быть... Есть священники, которые вводят детей в алтарь, они там прислуживают, а у нас этого не было. Я этого робел, хотя мой младший сын теперь священник – отец Димитрий. Он образовался не по принуждению, а воспитывался, глядя на нашу жизнь. Сейчас он благочинный нашего района.

Сейчас и брак, и ветхое мое монашество я осознал. Теперь для меня и монастырь – школа монаха – образовался. Я, может, монашество почувствовал только сейчас, при матушке Евгении^[1]. Она очень строгая и послушания беспрекословно требует выполнять. Но теперь мне очень легко, я уже много побитый. Иначе я был бы все время «на высоте»: какое монашество, какое мне послушание – сам повелеваю, сам всем даю советы, сам распоряжаюсь...

И такие моменты довольно часто возникают. Человек приходит в монастырь неподготовленным. Он не знает, что такое монастырь. А ведь здесь – передовая, здесь брань усиливается вражия, здесь козни, клеветы, здесь такие бывают ситуации, уму не постижимые. И без послушания в монастыре делать нечего. Тогда надо в миру жить. Это первый долг – отказаться от воли своей. И только сейчас я это все оценил, а раньше не понимал.

Позже моя матушка тоже приняла постриг. А получилось так. Я, приехав с Афона, служил везде, в частности, в городе Михайлове, около трехсот километров отсюда. Владыка благословил пятнадцать дней служить в Кадоме и пятнадцать дней – в Михайлове. И вот я ездил: там отслужу пятнадцать служб, приезжаю, здесь пятнадцать отслужу... Матушка печалилась. Я ей говорю: «Матушка, мы с тобой теперь в разных сферах – монашество и мир очень далеки друг от друга. Прими иночество». Она не хотела, говорила, что не сможет жить по-монашески, правило совершать. Я убеждал ее: «Я тебе помогу, я помолюсь за тебя».

Прошло время, и она решилась на монашество, на преподобного Алексия человека Божия приняла постриг.

***

С детства я никогда не был предан коммунистам. Я эту всю систему внутренне не любил. Хотя она мне лично, может, вреда не причинила, но я ее ненавидел. Я не знал царя православного. Учились мы в советской школе, императора Николая на уроках Николаем Палкиным звали, но в душе у меня было монархическое устройство, я понимал, что должен быть монарх и что наши люди находятся за границей по воле событий, которые Господь попустил.

Думаю, исповедничество наших людей на Западе нужно было для того, чтобы показать там силу и высоту православной веры. Наше же исповедничество – для того, чтобы здесь доказать, что мы настоящие священники. Но какой же тяжелой ценой это далось нам! Один дом был расторгнут надвое! Одна семья разделена и члены ее противопоставлены друг другу! Одни томились скорбью о сродниках и тоской по дому, другие были гонимы и мучимы. И общие наши святыни оказались разделенными границами государств. Как же это страшно! Объединение с Русской Православной Церковью за границей должно быть вожделенной нашей мечтой. Одна у нас вера, одни были традиции. Мы ждем этого объединения. Оно даст Православию силу. Сольются две реки в одну – река только увеличится. И друг другу поможем чище стать. Они подскажут нам наши недостатки.

Правда, в этом деле всем надо быть очень осторожными и искренними. Когда я был в скиту на месте лавры преподобного Харитона Исповедника, близ Иерусалима, который принадлежит Зарубежной Церкви, там многие мне говорили: «Мы за объединение, но боимся: не уверены полностью, что это произойдет чисто, искренне, сердечно». Они воспринимают все с большим недоверием. Поэтому всем нам, всем нашим священникам, всем людям нашим православным надо показать искренность нашего желания соединиться и жить вместе со своими сродниками, вместе исповедовать мир, веру и пребывать вместе. И мы желаем, чтобы они вернулись на Родину, потому что велика у них ностальгия по России. Надо нам Россию вместе поднимать... Вот, хотя бы, можно и с Кадома начать.

Царица Небесная помогает нам. А для нас главное – ни в коем случае не унывать, что нас мало, что мы, грешники, не можем вести, содержать обитель как должно, потому что нет у нас руководителей духовных, хороших. Но мы ощущаем особую помощь преподобного Серафима Саровского в делах нашего монастыря. У нас даже образовался его придел. И не случайно монастырь стал окормляться из Сарова, тогда был дан определенный настрой на будущее.

Много мы нахвалились, но ведь хорошего в нас ничего нет, только одни грехи носим. Лишь на милость Божию уповаем. Смотришь, как народ далеко отошел от Господа Бога, и делается страшно. Я двадцать семь лет служу, и понимаю, что за эти годы ничего как миссионер не сделал. Одни старушки молятся, а молодежь – как приходила только причаститься или по каким-то делам, так и продолжает. Раньше народу молилось за богослужением намного больше. На всенощной в храме было по двести восемьдесят человек, а потом, с каждым годом, стало ходить все меньше людей. Вот сейчас на всенощную приходит десять-двадцать человек, а на литургию уже больше. Нынешние кадомчане на литургию не любят рано приходить – служба в девять, а они к половине десятого приходят.

Схимонахиня Алексия (93 г.), насельница Милостиво-Богородицкого монастыря. В Великую Отечественную служила летчиком-истребителем

Как бы там ни было, у нас в монастыре есть три схимницы. Одна из них – мать Алексия, из Москвы, девяноста трех лет от роду. Молитвенница. Она духовное чадо почившего отца Андрея Ускова^[2], была летчиком-истребителем, воевала. У нее сильные боли в ноге и сердце слабое. Сколько раз она пыталась уехать, потом проходит время: «Я никуда не поеду». А куда она поедет? Она очень пожилой человек, ей часто надо причащаться. Другая наша схимница – девушка, мать Макария, ослепла сейчас, почти ничего не видит. Монахини все в годах. Молодых совсем мало. Так

что некем руководить, некому давать послушания.

Но постепенно, Божией милостью, если мы будем стараться, Матерь Божия нас укрепит, и со временем, как сказал отец Андрей, здесь будет очень большая обитель, столько будет насельниц, что негде будет яблоку упасть.

Обетований о том, что монастырь будет возрастать, много. Нам только надо вытерпеть. И еще хотелось бы, чтобы то благочестие, которое было в прежние времена, сохранялось бы и сейчас. Сейчас у нас мало насельниц, скудное материальное содержание. Опыта у нас нет, и мы часто унываем. Но Матерь Божия, Она знает, в какое время что сделать и как сделать. Просто надо положиться на Ее святую волю, Она – Всечестная Игумения всех монастырей.

Полагаю, что если кадомская женская обитель возродится, прежде всего, духовно, то и сам Кадом возродится. Вот сейчас Матерь Божия явно готовит это место для важных дел. Я зрю в душе своей, и в разуме, и в сердце, что здесь должны собраться православные люди из России, из других стран, здесь мы будем вместе славить Христа. Думаю, Кадом мог бы стать центром, объединяющим русских людей, возвращающихся на свою родную почву.

*Воспоминания архимандрита Афанасия (Культинова)
записал монах Павел (Щербачёв)
10 мая 2007 года*

^[1] Настоятельница кадомского Милостиво-Богородицкого монастыря монахиня Евгения (Свиридовская). Архимандрит Афанасий духовник этой обители.

^[2] Митрофорный протоиерей Андрей Усков († 2005), настоятель храма во имя архистратига Божия Михаила и всех Небесных сил бесплотных в с. Михайловское Домодедовского р-на Московской обл. Духовный сын протоиерея Петра Чельцова.

